

НАШИ ГОСТИ

УДК 811.161.1'42:78–4

П. П. Червинский

ЛЕКСЕМЫ СОВЕТСКОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Предмет настоящей статьи будет несколько далек от того, что можно было бы ожидать исходя из заявленной темы. И хотя дискурс будет восприниматься нами в более или менее уже устоявшемся, вслед за Т. ван Дейком, представлении [1] как коммуникативно-функциональная сфера текстов и речевых использований, определяющая особенности, в том числе и семантических, проявлений языковых единиц, не это в нем будет важным и интересующим. А скорее то, что можно было бы очень сжато назвать в нем двумя тематически, ассоциативно и экспрессивно регулируемыми и связанными отчасти понятиями фона и тона. Фона — как то, что звучит и естественным, не всегда заметным и осознаваемым образом присутствует в представлениях и сознании говорящих, носителей данной ментальности и культуры (далеко не всегда языка), приобщенных к дискурсу, формируя в них базу интерпретации, восприятия и порождения ментальных и вербально-ментальных реакций и проявлений. И тона — как то, что и задает, и затем обуславливает особый характер, окраску, тональность фильтрующих и направляющих восприятие ориентиров, допускающих что-то одно и не допускающих что-то другое. Понятия фона и тона поэтому был бы соблазн определять как необходимые составляющие идеологизированного дискурса [2] и такого же текста как его проявления, если бы не то, что затрагиваемый дискурс в совокупности текстов, хотя таковым и является, будет рассматриваться нами с иной стороны. Как тематический и ассоциативно-регулятивный фон (и тон) особым образом представляемой и формируемой семантики языковых единиц, лексем в данном случае.

Объектом анализа в связи с этим будут лексемы литературного языка, в своем дискурсивном виде, заряженные, насыщенные, пропитанные фоном и тоном дискурса, погруженные в нем, представляющие собой, однако, уже не столько собственно языковые феномены, сколько феномены скрыто ментальные — вербально и в языке себя внешне вроде бы как обнаруживающие, хотя на деле лишь камуфлирующие таким образом свою собственную природу и суть. Язык и его вербальные средства, лексемы в интересующем случае, будут, тем самым, рассматриваться в несколько, может быть, не совсем обычном ключе. Не как средства обнаружения, проявления, выражения,

существования апеллятивных, воздействующих, в том числе и идеологизируемых, смыслов (что было бы неразумно и безосновательно как в первой части, так и во второй отрицать), а как средства, напротив, их укрывания, заслонения, камуфлирования, погружения в глубины неосознания, невосприятия, нераспознавания и необнаружения. Обилие нагроможденных определений хотелось бы представлять не как орнаментальный изыск, а как следствие поиска более точного для явления, с одной стороны, и как следствие неоднородности и многоаспектности его проявлений, с другой. Каждое из используемых слов в своей семантике отвечает природе, в различии ее сторон, затрагиваемого феномена как явления и как процесса. Поддаваясь соблазну привлекательно броского представления, можно было бы определить интересующий нас аспект в отношении язык как средство идеологического камуфлирования (в составе своих единиц, лексем в первую очередь), но это было бы не совсем соответствующим определением. Точнее было бы, прибегая к неизбежной метафоризации, определить язык в составе его используемых и ангажируемых в идеологизированный дискурс единиц как то, что невольным образом становится занавесом, завесой, что заслоняет не всегда обнаруживаемое, укрытое, но ощущаемое смысловое пространство-форму. Можно было бы назвать его известным термином *концепт*, если бы не то, что (при всем многообразии пониманий и интерпретаций [3, с. 27]) концепт все же, в своем сходящемся для различных исследовательских восприятий и подходов, имеет знаковую и осознаваемую, ментальную, в виде знаний, и национально специфическую, а потому и данный этнос, нацию репрезентирующую, ее культурой и ментальностью предопределенную, природу, а то, о чем здесь речь, такому представлению не поддается. Прежде всего сомнительно и трудно было бы увидеть в нем знаково репрезентирующий и обусловленный ментальностью как знаниями характер, и еще в меньшей степени осознаваемый и/ли национально специфичный. И хотя всего этого вместе с тем в нем отрицать нельзя, но далеко не это, если вообще это, дает возможность представления о нем. Безусловно семантическая и ментальная природа (но не в смысле знаний, а в смысле ангажирующего и ориентирующего их фона-тона) с существующим, имеющимся и выражаемым (возможно, но не обязательно) общими лексическими средствами концептом связывает его весьма свободно, не обусловленно и не симметрично. Собственно говоря, в своей семантике и ментальности то и другое — разные явления, иногда соотносимые и коррелирующие, иногда пересекающиеся, а иногда не связанные и существующие самостоятельно.

В связи со сказанным существенным является также вопрос о соотношении интересующей нас семантики дискурсной лексемы с семантикой той же лексемы, но языковой. Рассмотрим указанное соотношение на примере. Лексема кафе ('небольшой ресторан, где подают кофе, чай, закуски и т.п. '), согласно определению в современных

толковых словарях) чем предстает, как поворачивается в контексте Он пригласил ее в кафе? И будет ли передаваемая в ней информация совпадать, покрываться с другим контекстом — скажем, Они познакомились в кафе? И вместе с тем, та ли же самая информация будет присутствовать в утверждениях: Он пригласил ее в ресторан и Они познакомились в ресторане? Важными для представления интересующих нас смыслов будут, безусловно, параметры самой передаваемой в высказывании ситуации, прежде всего ее актанты, или участники. Кто такой этот он и кто она, и кем они являются друг другу, в каких отношениях были тогда, когда это имело место, и в каких находятся сейчас, в момент говорения, речи? Не вдаваясь в детализированный разбор тематически и ситуативно обусловливаемых смыслов лексем кафе и ресторан, способный занять немалое место, можно было бы представить кафе (скажем, в контексте некоторой ментальности и культуры) как локус, не слишком высоко оцениваемого (социально не одобряемого) завязывания знакомств, особенно между представителями противоположных полов, а также место, предполагающее вероятность (при способствующих к тому условиях) дальнейшего сближения между ними (интимная связь, предложение брака и пр.). Ресторан, в свою очередь, может иметь (при учете значений актантов) в отношении первого сообщения, т.е. приглашения, несколько более статусный и поэтому ожидаемо высокий уровень общественных представлений, чем кафе в том же случае, в связи с чем допускать возможность серьезных и не предосудительных, скажем, намерений с его стороны. Само же различие двух ситуативно отмеченных положений, связанных с тем и с другим (ресторан / кафе), нередко оттеночное, но существенное в отношении социальных знаний (как ожиданий и предпочтений) предполагает возможность анализа в том же ключе приглашения как предикатного проявления с точки зрения позиций — кто, кого и куда приглашает (может, способен, должен / не должен с каким-то намерением приглашать).

Аналогичным образом, т.е. в том же ситуативно и тематически связанном предикатном ключе, в соотношении с семантикой соответствующих лексем и их социально-ментальных и речевых проявлений, можно рассматривать то, что является проявлением, в отношении этих лексем, мировоззренческих и, следовательно, идеологических, концептуально, оценочно и ментально заряженных ориентиров и представлений. Уместным было бы в этом случае использование понятийного аппарата и терминологических операторов, связанных отношением синтагматики и парадигматики как взаимно связываемых и обусловленных проекций функционального (горизонтального) и системного (виртуального) состояния. Синтагматика, предоставляя возможность речевого использования и обуславливая, давая материал, свое обобщение и существование в знаниях получает в аспекте парадигматического, которое, в свою

очередь, отображается в синтагматическом проявлении. Идеологическая заряженность, ангажированность, семантики отдельных лексем, тем самым, может рассматриваться и определяться как проявление в синтагматике (текстах, высказываниях того или иного идеологизированного дискурса) некоторой системы парадигматически организованных и существующих мыслеформ [4] (присутствующих в сознании, т.е. виртуально, в виде распознаваемых, но не обязательно до конца проявленных в своих значениях парадигм). Характер, способ организации и существования этих ментальных образований, далеко не всегда осознанных, но способных опознаваться, т.е. идентифицироваться как то, что требуется, ожидается, принадлежит как знание, мировоззренческий оценочный и коннотативный набор ориентиров (система координат), широко понимаемому, точнее воспринимаемому, коллективному своему, — этот характер и способ организации в отношении идеологии, официоза, в том числе и советских, может быть уподоблен системе социально заряженных знаний-ориентиров и национально (в том числе) обусловленных стереотипов [5, с. 68—82]. И то и другое не просто устроены одинаково, но и составляют единую субстанциональную форму по своему существу. И то и другое можно определять и рассматривать как фон и как тон (социально ментальный), допускающий, предполагающий, регламентирующий в отношении представителей данного социума (как своего) нечто одно и не одобряющий, осуждающий нечто другое. Советский способ ориентации мировоззрения, с типичными для него значениями, приоритетами, оценками и коннотациями, в этой связи, т.е. советскую идеологию в конечном итоге, можно определять и рассматривать как разновидность, вид, форму, вариант социально ориентированных знаний и представлений, добровольно усвоенных либо навязываемых, в данном случае будет неважно. Как и неважны, с точки зрения характера парадигматического устройства, которое можно исследовать вне субъективных о том представлений, его такие известные признаки, как унитарность (единственная допустимость, разрешенность и безальтернативная правильность), безальтернативность, жесткость, изоляционизм, навязчивый дидактизм и неизбежные санкции в случаях отклонения. Признаки в целом не свойственные в столь сгущенно-насыщенном виде широко понимаемым социальным знаниям, стереотипам и опыту национальных и отчасти других коллективов (если не иметь в виду их фундаменталистски воинствующие и нетолерантные формы), но и не влияющие вместе с тем на их парадигматический облик, дающий возможность каким-то существенно опознавательным образом его от нежестких и допускающих выбор парадигматических форм отличить. Тем более, что изоляционизм и безальтернативность, в конечном итоге, внутри системы, создают ощущение, видимость, для себя, в продуцирующей себя в своих текстах парадигмо-синтагме, — допустимого выбора, нежесткости семантических (социально значимых

и обусловленных) проявлений и добровольно принятой на себя общественной роли (ср. марксистское определение свободы как осознанной необходимости, т.е. возлагаемой на себя добровольно ответственности в отношении общества, отождествленного советской идеологией с государством, в реалиях советской действительности равного партийному руководству, т.е. отдельным, избранным, как себя избирающим, представителям). Все эти семантические смещения, будучи имплицитны, по принципу пресловутой матрешки, скрывающей в своих оболочках одно в другом, ни парадигматически, ни синтагматически в советски ориентированных текстах себя проявлять не могут, а вне- или постсоветское знание и понимание явных, неявных (но не укрытых, а не присутствующих скорее, не отражаемых) смыслов может быть, как представляется, материальным и объективным вследствие и на основе выведенной вербально-семантизируемой парадигмы советской идеологии, последовательно и разнообразно себя отражающей в различных дискурсах и текстах языка советского времени, или, что, может быть, более точно, языка советской действительности.

Выбранный в качестве объекта такого исследования и изучения советский песенный дискурс обладает указанными признаками в достаточно полной мере, являясь своего рода моделью подобной безальтернативности семантического существования, предполагающей, а в известной мере и допускающей, свободу необходимого выбора, диктуемого внутренним импульсом (императивом) в условиях внешнего (социального, коллективного) предопределения и продуцируемых, приписываемых коллективу как социальному организму необходимостей, ценностей и устремлений, органической частью которого и является он — тот объект и субъект, на которого и направлены смысл и основное воздействующее усилие советского песенного дискурса. Объектом и одновременно субъектом такого рода в ходе анализа оказался молодой человек, представитель мужского пола, одним из наиболее частотных лексических обозначений которого было слово *парень*, в связи с чем и ставшее предметом дальнейшего интереса.

Возвращаясь к мысли о соотношении значения лексемы как языковой единицы и единицы рассматриваемого дискурса, необходимо было бы обозначить следующие особенности¹:

1. Семантика слова как языковой лексической единицы является лишь исходным пунктом, базой для формирования значений иного рода, обусловленных апеллятивными и прагматическими задачами использующего его в своих узуальных контекстах дискурса.

2. Семантика слова *парень* советского песенного дискурса в значительной степени (если не полностью) опирается на семантику представлений 'молодого мужского добрачного' как носителя определенных и необходимых свойств своего и органической части, члена данного социума в народной традиции сказочно-песенного

фольклора и деревенской (крестьянской общины), затем городской (фабричной) среды.

3. Отображает себя в советском песенном дискурсе эта семантика, получая не столько развитие, сколько смещения в сторону выделенности одних и погашенности других семантических признаков, в контекстных моделях (мотивах, парадигматико-синтагматических построениях, тематико-ситуативных конструкциях) — проводов (в армию, с замещениями — на фронт, в поход, на битву); работ (крестьянских, в поле, с замещением — в забое, за рулем); женитьбы (ожидаемая жизнь с молодой женой); ухаживания (гуляния, встречи с девушкой, объяснение, обещания любви, предложение, возможный отказ и т.п.); нечаянной встречи (влюбленности, обмена репликами, расставания, провожания взглядом — у колодца, в саду, у реки); разлуки (на фронте, в походе — память о девушке, весточка от нее, верность любви); ожидания (его возвращения); борьбы (с врагом); побратимства (два друга, два товарища, два бойца — взаимопомощь, героическая борьба и спасение от смерти либо смерть); мужского союза (сила, громада, предполагаемые совместные действия, законы громады, присяга, песня и пр.). Часть из этих мотивов довольно частотна и регулярна (провода, ухаживание, нечаянная встреча, разлука), другая часть менее регулярна (ожидание, борьба, побратимство) и, наконец, есть такие мотивы, которые либо встречаются спорадически (мужской союз), либо не получают в песенных текстах развития (женитьба, работы).

4. Семантика интересующего нас употребления лексемы может быть уточнена на следующих пяти проективных уровнях (с возможным подразделением в подуровнях и подтемах): 1) общее дискурсивное проявление: парень как основная внутренняя потенция для достижения цели, защита, обеспечение и сила, то, на что следует ставить в решении преобразующих социальных задач, начало, которое следует мобилизовывать, запускать, направлять, использовать, поощрять; 2) парадигматико-ассоциативное проявление: парень — деревня, мужики, бабы, девки, парни, родня, мать, молодая жена, поле, изба, околица, пахать, гулять, песни, танцы, посиделки и пр.; парень — армия, война, граница, бой, битва, враги, фронтовые товарищи, друг, весточка от далекой подруги; парень — город (рабочий поселок, шахта, фабричная застава), работа / жаркий бой (за рабочее дело), награда / смерть; парень — путь (далекий), дорога, пыль, деревни, села, встреча / прощание (у порога, крыльца); 3) парадигматико-синтагматическое проявление: парень — проводов в армию, ухаживания, крестьянских работ, нечаянной встречи, влюбленности, ожидания, борьбы с врагами, защиты Родины, ее границ и т.п.; 4) тематико-ситуативное проявление: парень — гармонь (баян, тальянка), девушка, тропинка, провожание, расставание, окошко (калитка), речка, бережок; парень — девушка (у колодца, в саду, у реки), вода, напиток, смотреть, разговор, расставание, взгляды, вздохи, воспоминания; парень — рубашка, сад, гуляние,

провождение взглядом, думание о нем; 5) непосредственно контекстное проявление (данного текста).

Список использованной литературы и примечания

1. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. Ван Дейк. — М. : Прогресс, 1989. — 312 с. **2. Лассан Э.** (1995) Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ / Э. Лассан. — Вильнюс : Изд. Вильнюсского ун-та, 1995. — 232 с. **3. Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. — Минск : Тетра-Системс, 2005. — 256 с. **4. Выготский Л.С.** Мышление и речь / Л.С. Выготский // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. — М. : Изд. АН СССР, 1962, — с. 37—386. **5. Прохоров Ю. Е.** Национальные и социокультурные стереотипы общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 224 с.

¹ В связи с ограниченностью объема можно только наметить некоторые из них. Более подробный и полный анализ материала, с его описанием и обобщением, предполагается сделать в последующих работах.

Червинський П. П. Лексеми радянського пісенного дискурсу в контексті аналізу ідеологічних парадигм

Насичення слова необхідним ідеологічним змістом в мові радянської дійсності мало неоднозначний і диференційований характер, як у часі, так і в залежності від виду його використання. Мова російської радянської пісні являє собою в цьому відношенні дуже цікавий феномен, в якому необхідна ідеологічна спрямованість набувала особливого, зобов'язаного бути привабливим і що знаходить душевний відгук, емоційно заряджений сенс. Слова і тексти цієї мови повинні були бути співзвучними і зрозумілими, з тим щоб у кожному потенційному слухачі знаходити і будити те, що близько, на що він може відгукнутися, вносячи далеко не завжди безпосереднім і очевидним для сприйняття чином ту перетворюючу свідомість надціннісну ідею (набір ідей), в ім'я якої (яких) людина була готова, за задумом, добровільно перетворювати також і світ. Матеріал подібним чином організованої мови, далеко не простий і не одновимірний, оскільки *implicite* містить не тільки пропагандистські орієнтовану, але і людську константу, представляє інтерес як з історикомовної, так і з когнітивної (а також інших) сторін. На прикладі двох не симетрично співвідносних лексем (хлопці та дівчата) проводиться аналіз значень, що заангажовані, зазначеної різновиди радянської мови.

Ключові слова: мова радянської дійсності, радянський пісенний дискурс, парадигми радянської ідеології, дискурсивно ангажовані лексеми.

Червинский П. П. Лексемы советского песенного дискурса в контексте анализа идеологических парадигм

Насыщение слова необходимым идеологическим содержанием в языке советской действительности имело неоднозначный и дифференцированный характер, как во времени, так и в зависимости от вида его использования. Язык русской советской песни представляет собой в этом отношении весьма интересный феномен, в котором необходимая идеологическая направленность приобретала особый, обязанный быть привлекательным и находящим душевный отклик, эмоционально заряженный смысл. Слова и тексты этого языка должны были быть созвучными и понятными, с тем чтобы в каждом потенциальном слушателе находить и будить то, что близко, на что он может откликнуться, внося далеко не всегда непосредственным и очевидным для восприятия образом ту преобразующую сознание сверхценностную идею (набор идей), во имя которой (которых) человек был готов, по замыслу, добровольно преобразовывать также и мир. Материал подобным образом организованного языка, далеко не простой и не одномерный, поскольку *implicite* содержащий не только пропагандистки ориентированную, но и человеческую константу, представляет интерес как с историко-языковой, так и с когнитивной (а также других) сторон. На примере двух не симметрично соотносимых лексем (парни и девушки) производится анализ ангажируемых смыслов указанной разновидности советского языка.

Ключевые слова: язык советской действительности, советский песенный дискурс, парадигмы советской идеологии, дискурсивно ангажированные лексемы.

Chervinsky P. P. Lexemes of the Soviet Song Discourse in the Context of Ideology Paradigm Analysis

The saturation of a word by the necessary ideological contents in language of the Soviet reality had ambiguous and differentiated character, both in time and depending on a kind of its use. Russian Soviet songs language represents in this respect rather interesting phenomenon, in which the necessary ideological orientation got special, obliged to be attractive and finding the sincere response emotionally charged sense. The words and texts of this language should be conformable and clear, for the purpose of finding in each potential listener and arousing in him that is intimate, to what he can respond, bringing in farly from being always by direct and obvious for perception way that transforming consciousness overvaluable idea (set of ideas), in which name a man must be ready, in plan, voluntarily to transform as well the world. The material of the in a similar way organized language, not simple and not one-dimensional, as *implicite* containing not only by propaganda orientated, but also human constant, is of interest both with historical-linguistic, and with cognitive (and also others) sides. On an example of one of such discorsial lexemes (парень / lad) some features of the

prospective analysis of engaged senses of the pointed version of the Soviet language are described.

Key words: Language of Soviet reality, Soviet song discourse, Soviet ideology paradigms, discourse engaged lexemes.

Стаття надійшла до редакції 29.09.2012 р.

Прийнято до друку 30.11.2012 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

УДК [811.161.1: 811.162.1]’373.45

Т. Квятковска

**ПАРАЛЛЕЛИЗМ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ
ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ
С ПРИСТАВКАМИ СУПЕР-, АРХИ-, ЭКСТРА-)**

Препозитивные элементы, ставшие предметом настоящего исследования, понимаются в лингвистической традиции по-разному. Изменения в области определения препозитивов, их роли, отчасти и функций, связано с явлениями, охватывающими жизнь человека вообще, систему ценностей и способы общения современных носителей языка. На изменения в области препозитивных морфем влияет прежде всего эмоциональный и ценностный подходы к действительности. Высказывания передают то, что чувствует говорящий, как он воспринимает мир и себя. Процесс этот отображается также в способе и в частотности употребления тех или иных препозитивных элементов.

Предметом анализа в настоящей статье будут префиксы иностранного происхождения со значением интенсивности, т. е. словообразовательные элементы типа *архи-*, *супер-*, *экстра-*. Препозитивы эти были выбраны не случайно, поскольку именно они в последнее время становятся средствами выражения оценки, градации отношения к действительности, отображения иерархии ценностей. Именная префиксация, явление, довольно редкое как в русском, так и в польском языках еще в 60-70-е гг. прошлого века (ведущей являлась глагольная) [1, с. 77], в последнее время становится весьма характерной для этих двух языков. Языковеды отмечают активизацию приименной префиксации, характерную для новейшего времени [2, с. 76]. Возрастающая регулярность процесса такой префиксации связана с общими для языков тенденциями к экономии языковых средств, эмоциональностью и экспрессивностью речи, что и порождает новые словообразовательные модели. Как показывает исследование, группа префиксов, вносящих значение интенсивности, является в настоящее время весьма продуктивной на почве как русского, так и польского